

— Я, Цзян И, действительно приехал в Инчуань лишь за тем, чтобы учиться, — Цзян И встретился взглядом с глубокими, словно омут, глазами Цзя Сюя. Его тон был открытым и спокойным, словно он говорил о самой обыденной вещи. Он слегка развернулся, глядя за пределы небольшого дворика, будто его взор пронзил серые черепичные крыши и устремился к бескрайним, полным опасностей полям за стенами Инчуаня. — Однако для того, чтобы постигать мудрость, нужна основа — мирная жизнь. Сейчас важнее всего не пустые философские беседы в стенах академии, а угроза того, что остатки войск Бо Цая двинутся на юг!

— Бо Цай? — густые брови Сюй Шу резко взметнулись вверх, выражая крайнее изумление. — Разве сейчас генерал Хуанфу Сун не прижал его намертво под стенами Чаншэ? Армии стоят друг против друга, сцепившись в смертельной схватке. Как он может найти возможность прорваться на юг, к Инчуаню? Не слишком ли вы тревожитесь, брат Цзян? — Его рука непроизвольно легла на рукоять меча — привычный жест, выдававший его внутреннее сомнение в словах Цзян И.

Сердце Цзян И сжалось. Ход истории был для него ясен, как на ладони: под стенами Чаншэ генерал Хуанфу Сун обнаружит слабость Бо Цая, который расположил лагерь в высокой траве, и вскоре устроит пожар, от которого армия повстанцев рухнет, словно картонный домик. Остатки войск, подобно побитым псам, в панике побегут на юг, и именно Инчуань станет их единственным путем к спасению! Однако это знание будущего жгло язык, словно раскаленное железо, и высказать его вслух было невозможно.

Заставив себя сохранить невозмутимость, он встретил вопрошающие взгляды Сюй Шу, Си Чжицая и Цзя Сюя. Он заговорил тоном бывалого путешественника, который сам видел всё своими глазами:

— Брат Сюй прав. Но позади меня путь лежал через окрестности Чаншэ, и я видел, как ведет себя правительственная армия. Укрепления генерала Хуанфу Суна возведены на совесть, куда надежнее обычного, а вокруг лагеря вырублены все заросли, вырыты глубокие рвы, куда отведена вода. Подобная подготовка делается не для обороны, а скорее для того, чтобы... предотвратить распространение огня, расчистив путь для собственного поджога! — Он сделал паузу, придавая голосу веса. — Войска Бо Цая стоят в лагерях, укрытых травой и лесом. Если генерал Хуанфу применит огонь, Бо Цай, застигнутый врасплох, неминуемо потерпит сокрушительное поражение! После разгрома, когда на севере — непреодолимая Хуанхэ, на востоке — грозный генерал Чжу Цзюнь, а на западе — собранные столичные войска, у них останется лишь один путь: бежать на юг, в Инчуань, чтобы найти передышку, собрать окрестных беженцев и попытаться возродиться!

Во дворике воцарилась тишина. В глубоких глазницах Си Чжицая вспыхнули два синих огонька. Он резко выпрямился, и от волнения его пробил приступ сдавленного кашля. Цзя Сюй продолжал перекатывать в пальцах гладкий черный камешек для игры в го; его движения были столь медленны и плавны, что казались почти незаметными, но он наконец поднял веки. В его бездонных глазах впервые промелькнуло нескрываемое внимание — он словно пытался запечатлеть каждое мимолетное выражение лица Цзян И.

— Высоко сказано! — Си Чжицай, переведя дыхание, заговорил охрипшим от возбуждения голосом. — С талантами генерала Хуанфу такой огненный удар вполне возможен! Если Бо Цай

проиграет, его отступление к Инчуаню также логично. Брат Цзян, вы обладаете поразительной проницательностью, умеете видеть суть в малых деталях. Восхищен! — Его взгляд, обращенный к Цзян И, стал полным признания.

Цзя Сюй перестал перебирать камешек и тихо опустил его в чашу. Раздался отчетливый стук, нарушивший молчание. Он слегка кивнул — движение едва заметное, но обладающее странным весом:

— Ваши рассуждения, брат Цзян, безупречны и соответствуют законам военного дела. Если Бо Цай действительно, как вы предсказали, будет разбит и отступит к Инчуаню, то... что нам следует предпринять? — Его голос оставался ровным, но каждое слово отчетливо отдавалось в сердцах слушателей. Вопрос о том, что делать дальше, нес в себе невидимое давление, вновь перекладывая бремя решения на плечи Цзян И.

Невидимое давление навалилось всей тяжестью. Цзян И глубоко вдохнул, представляя карту местности вокруг Инчуаня. Он шагнул вперед и машинально начертил пальцем на шершавой поверхности каменного стола, словно на песочной карте:

— Инчуань хорошо укреплен, провизии в достатке, так что, если запереться в городе, остатки армии Бо Цая не смогут взять его с ходу. Но... — голос его стал ниже и тяжелее, — в окрестных селах и деревнях беззащитный народ окажется на краю гибели! Разбитые отряды Желтых повязок, охваченные паникой, лишенные припасов и оружия, будут подобны саранче: грабить и убивать, чтобы выжить. Вот в чем истинная беда!

Его палец с нажимом прочертил невидимые линии:

— Первым делом нужно немедленно эвакуировать селян! Приказать им взять ценности и провиант, укрыться в укреплениях, лесах или заранее войти в город. Кроме того, — его взгляд стал острым, а палец с силой указал в пустоту, — к северо-западу от Инчуаня есть перевал горы Цзимин. Склоны там крутые, повсюду густой лес — идеальное место для засады! В тридцати лияхх к востоку — ущелье Хэйфэн, где есть лишь узкая тропа над глубоким потоком. Если перекрыть её, враг окажется в ловушке! А к югу от города... — он заговорил быстрее, детально описывая опасные места, позиции для засад и маршруты, по которым вероятнее всего побегут разбитые повстанцы. Анализ был настолько точным, будто он не только что прибыл сюда, а годами изучал каждый холм и ручей Инчуаня, уже видя своими глазами грядущее поражение и бегство.

Сюй Шу, Си Чжицай и Цзя Сюй слушали, всё больше поражаясь. Описание Цзян И было уже не просто предположением, а разыгранным в уме сценарием битвы. Каждая деталь была живой и убедительной.

— Брат Цзян — настоящий гений! — Сюй Шу не удержался и хлопнул в ладоши, его глаза светились искренним восхищением. — Если бы я не слышал этого сам, ни за что не поверил бы, что в мире есть человек, способный видеть столь глубоко и просчитывать каждый шаг! Кажется, вся география и искусство войны у вас в голове! — Его взгляд, поначалу полный любопытства, сменился глубоким уважением.

На бледном лице Си Чжицая от волнения проступил румянец. Он подавил кашель и с горящими глазами произнес:

— Слова брата Цзяна — чистое золото, бьют в самую точку! Эвакуация народа — основа милосердного правления, засады в узких местах — ключ к победе! Это безупречный план! Нельзя медлить, нужно немедленно написать совместное прошение на имя губернатора Чэня, изложить всё как есть и просить его принять решение, создать ополчение и действовать согласно этому плану! — Он с надеждой посмотрел на Цзя Сюя, ища поддержки.

Цзя Сюй долго смотрел на Цзян И, словно пытаясь разглядеть его насквозь. Наконец он медленно проговорил, не выдавая эмоций:

— Чжицай прав. План брата Цзяна — лучшее, что можно предложить сейчас. Совместное прошение придаст ему веса. — Это было самое явное одобрение, которое можно было услышать от Цзя Сюя в тот день.

Однако, когда Цзян И уже было выдохнул, Цзя Сюй, словно ядовитая змея, внезапно сменил тон, прозвучав холодно и пытливо:

— Однако... — он слегка подался вперед, и его глаза, казалось, пронзающие душу, с насмешкой впились в Цзян И, — брат Цзян столь искусен в военном деле и географии, будто сам прошел через сотни битв. Хотелось бы знать... кто был вашим наставником? — Вопрос, заданный так легко, прозвучал как удар тяжелым молотом.

Началось! В душе Цзян И забили тревожные колокола, но внешне он сохранил спокойствие. Он уже много раз прокручивал в голове этот неизбежный вопрос. Он слегка опустил голову, а когда поднял её, в глазах читалась умеренная скорбь и воспоминания:

— Мой отец... служил командующим речным флотом в Ичжоу, годами патрулировал моря, сражался с ветрами и волнами, противостоял островным пиратам. Я, недостойный, с детства был при нем, видел всё своими глазами, так что немного постиг искусство управления кораблями, расстановки строев и распознавания ветров и течений. — Он помолчал, и голос его стал тише. — Позже... в море нас настиг тайфун. Корабль погиб, почти все утонули. Я чудом уцелел, ухватившись за обломок доски, и меня вынесло к берегу Цзяочжоу, где я лежал при смерти. К счастью, меня спас старик, живший отшельником. Он был глубоким мыслителем, особенно силен в стратегии. Пожалев меня, он приютил меня в своей глухой хижине и обучил основам военного искусства, построению строев и науке о горах и реках... — Он обрисовал смутную, но логичную историю, ловко прикрыв свои знания из будущего наследием этого «мудрого отшельника». Деталей было достаточно, чтобы они казались правдивыми, но при этом они окутывали его прошлое налетом морских странствий и таинственности.

Цзя Сюй молча слушал, перекатывая в пальцах камешек. На его лице не было ни тени сомнения или веры, но его бездонные глаза продолжали изучать Цзян И, словно оценивая правдивость рассказа.

— Вот оно что, — наконец сухо ответил Цзя Сюй и не стал больше расспрашивать. Но в глубине его глаз на мгновение мелькнул странный, неуловимый огонек.

Остаток времени четверо не возвращались к происхождению Цзян И, сосредоточившись на деталях прошения. Си Чжицай, обладавший прекрасным литературным слогом, взялся за письмо, Сюй Шу дополнил его деталями о войсках, Цзян И указал места засад, а даже молчаливый Цзя Сюй внес несколько критически важных правок, касающихся формулировок и давления на слабые места губернатора. К полудню, когда солнце разогнало утренний туман и раскалило плиты двора, письмо, вобравшее в себя мудрость всех четверых, было готово. Сюй Шу лично отправился в канцелярию губернатора.

— Брат Цзян, вы ведь только приехали в Инчуань, есть ли у вас где остановиться? — при прощании Сюй Шу по-дружески хлопнул его по плечу. Он был человеком широкой души и уже считал Цзян И своим близким другом. — Если не побрезгуете, переезжайте ко мне? У меня есть небольшой домик на востоке города, пусть не хоромы, зато тихо. Будем вместе изучать книги и обсуждать дела Поднебесной!

Это была возможность, о которой Цзян И мог только мечтать! Он тут же радостно согласился:

— С удовольствием приму ваше предложение, брат Юаньчжи!

В последующие дни Цзян И поселился в скромном, но опрятном доме Сюй Шу. Днем они вместе с Си Чжицаем и Цзя Сюем обсуждали дела мира, анализируя силу различных группировок. Цзян И осторожно вплетал свои смутные знания истории в их рассуждения, предлагая взгляды, которые каждый раз заставляли собеседников задумываться. По ночам, когда Сюй Шу крепко спал, Цзян И при свете масляной лампы, опираясь на свою отличную память, записывал на бамбуковых свитках важные события, ключевых личностей и даже отрывочные знания из будущего, используя символы, понятные только ему. Губернатор Чэнь Ши, получив прошение, был потрясен глубиной анализа и чувством неотвратимой угрозы. Особенно его задело слова Цзя Сюя о том, что если беженцы будут захвачены отступающими повстанцами, то Инчуань превратится в руины, и ответственность за это падет на губернатора. Власти города немедленно начали действовать: глашатаи бегали по округе, призывая народ к эвакуации, а ополчение тайно выдвинулось к указанным Цзян И перевалам, чтобы готовить засады. Весь Инчуань, внешне сохранявший спокойствие города ученых, уже был пропитан предчувствием грядущей бури.

На пятый день, после полудня. Жаркое осеннее солнце пробивалось сквозь решетчатые окна, бросая косые блики в кабинет Сюй Шу. Цзян И сидел напротив Сюй Шу, на столе лежал драгоценный свиток Сунь-цзы. Цзян И провел пальцем по словам: «Война — это путь обмана», а Сюй Шу внимательно слушал его толкование о том, как «прямым путем вступать в бой, а обходным — добиваться победы».

Вдруг!

— Дзынь! Дзынь! Дзынь!

Резкий, пронзительный звон колокола, словно гром, разорвал полуденную тишину, долетая с городской башни! Звук был полон паники и предвестия беды, мгновенно охватив весь Инчуань!

— Желтые повязки идут!

— Бо Цай напал! Скорее закрывайте ворота!

— Спасите!

Улицы вмиг превратились в хаос! Визги ужаса, топот бегущих, плач женщин и детей, звон оружия — всё слилось в один поток, ворвавшийся в их дворик сквозь открытые двери и окна!

Цзян И и Сюй Шу одновременно вскочили со своих мест! Они обменялись взглядами, и без слов поняли друг друга: в глазах обоих читалось «все-таки пришли», смешанное с решимостью людей, готовых к бою.

— Надевай доспехи! — коротко бросил Сюй Шу, бросаясь к углу, где висели кожаный панцирь и меч. Цзян И быстро натянул приготовленные для него старые доспехи и схватил стоявший у стены однолезвийный палаш. Через несколько мгновений они уже были готовы, выскочили за ворота и устремились в обезумевшую толпу.

Люди бежали к стенам, словно испуганное стадо. Цзян И и Сюй Шу, пробиваясь против потока, благодаря своей силе и решимости добрались до городской стены. Там уже находился губернатор Чэнь Ши — в черном чиновничьем халате, с набок съехавшей шапкой, весь в поту, он метался перед зубцами стены, словно муравей на раскаленной сковороде. Солдаты гарнизона, натянув луки, с тревогой смотрели на север, откуда поднимались клубы пыли.

— Донесение! — разведчик, весь в пыли, задыхаясь, ввалился на стену и рухнул перед губернатором: — Господин! Бо Цай... остатки его войск! Десять тысяч человек! С ними толпы беженцев! Они прорвали заставу у горы Цзимин, их авангард менее чем в двадцати лиях от города!

— Ах! — Чэнь Ши отшатнулся, побледнев. Увидев подошедших Сюй Шу и Цзян И, он бросился к ним, как утопающий к соломинке, его голос дрожал: — Господин Сюй! Господин Цзян! Друзья! Враги... они и вправду пришли! Что... что нам делать? Что делать?! — От его чиновничьего достоинства не осталось и следа, одно лишь всепоглощающее страдание и надежда на чужую помощь.

Си Чжицай и Цзя Сюй поднялись на стену следом. Си Чжицай был бледен от быстрой ходьбы, но его взгляд был необычайно ясен и остр. Цзя Сюй оставался невозмутим, лишь его взгляд, скользнувший по пыли за стенами, выдавал холодный расчет.

— Господин губернатор, не паникуйте! — Си Чжицай подавил кашель и шагнул вперед, его голос, хоть и слабый, звучал твердо. — Согласно плану брата Цзяна, засады у горы Цзимин и в ущелье Хэйфэн уже готовы! Бо Цай идет прямо в расставленные сети! Нам нужно лишь держать оборону, и когда его разбитые войска врежутся в наши засады, они окажутся в ловушке!

Цзян И добавил:

— Прошу вас, немедленно прикажите всей легкой кавалерии выйти через западные ворота! Не вступать в бой, только издалека тревожить их арьергард и толпы беженцев! Стрелять, бросать факелы, сеять панику! Бо Цай после поражения напуган, и если сзади на них нападут, они решат, что их преследует вся правительственная армия, и погонят передовые отряды быстрее к Инчуаню. Так их строй окончательно рассыплется, и они сами влетят прямо в наши засады!

Чэнь Ши, словно обретя опору, вцепился в этот приказ:

— Быстрее! Передайте всем: легкой кавалерии выйти! Тревожить врага! Заставить их бежать в панике! Гарнизону — занять места, стоять насмерть!

Ожидание было мучительным. Время, казалось, растянулось под гнетом страха. На стене слышалось лишь тяжелое дыхание и редкий лязг доспехов. Два часа тянулись как два века!

Наконец!

— Донесение! Великая победа! — гонец, едва не падая, влетел на стену, его голос срывался от восторга: — Господин губернатор! Господа! Войска Бо Цая в панике ворвались в ущелье у горы Цзимин! Наши засады обрушили на них камни и бревна, стрелы сыпались как ливень! Враги давили друг друга, потери неисчислимы! Арьергард пытался бежать, но был отрезан у ущелья Хэйфэн! Наша армия перешла в наступление, враг разбит! Осада Инчуаня снята!

— Ура! — над стеной раздался оглушительный крик! Губернатор Чэнь Ши расплакался от счастья, схватил Цзян И и Сюй Шу за руки: — Божественный расчет! Если бы не вы, Инчуань пал бы! Вы спасли жизни тысяч людей! Позвольте мне поклониться вам! — Он действительно собрался упасть в ноги.

Сюй Шу и Цзян И удержали его. Лицо Сюй Шу светилось от радости, он хлопал Цзян И по плечу:

— Брат Цзян! Вы поистине человек божественных талантов! Предвидеть врага за тысячи ли и решить исход битвы, не выходя из палатки! Сегодня я понял, что значит «планировать в шатре, побеждать за тысячи ли». Сдаюсь! Я искренне восхищен!

Си Чжицай улыбнулся, но в глубине его глаз таилась странная, сложная мысль. Он посмотрел на Цзян И:

— Брат Цзян... как... как вы могли быть настолько точны? Будто... будто...

— Будто видели всё своими глазами? — голос Цзя Сюя, холодный как горный ручей, подхватил недосказанное. Он подошел ближе, и его бездонные глаза вновь сфокусировались на лице Цзян И. В них не было радости, только острая, пронзающая насквозь пытливость. — Вы рассчитали поражение Бо Цая, его путь, его реакцию на засаду... всё до единой детали. Ваши способности, брат Цзян, уже не описать словом «проницательность».

Цзян И вздрогнул, собираясь ответить что-то вроде «повезло» или «рассчитал», но внизу, за

стенами города, раздался новый, еще более страшный и хаотичный шум, заглушивший ликование!

— Лекаря! Скорее лекаря!

— Спасите! Спасите моего брата!

— Уступите дорогу! Тяжелораненый!

Все бросились к парапету. Внутри городских ворот царил ад! Десятки импровизированных носилок, люди, поддерживающие друг друга, окровавленные фигуры — всё это вливалось в город. Солдаты в рваных доспехах, но еще больше — простолюдины в лохмотьях, покрытые пылью! Стоны боли, отчаянные крики, рыдания близких — всё это вмиг смыло радость победы. Запах крови, смешанный с пылью и потом, ударил в нос. Это была цена победы — последствия набега разбитых повстанцев на деревни!

— Я иду помогать! — Цзян И, бросив один взгляд, не раздумывая, развернулся и бросился вниз со стены, расталкивая солдат.

— Брат Цзян?! — Сюй Шу замешкался, но тут же последовал за ним: — Подожди меня!

Си Чжицай и Цзя Сюй переглянулись. Цжицай, кашляя, поспешил следом. Цзя Сюй молча последовал за ними, его шаг был неспешен, но взгляд не отрывался от спины Цзян И.

Внизу картина была еще страшнее. Раненые лежали на холодной земле, кровь пропитала почву. Примитивные повязки не останавливали кровь, раны были ужасающими, конечности вывернуты, у некоторых были вспороты животы... Старые лекари метались между ними, в отчаянии заламывая руки — в эту эпоху не было никакой системы помощи, и выживет ли раненый, зависело лишь от удачи.

Цзян И ворвался в этот ад, как вихрь. Его взгляд был острым, как у ястреба, он мгновенно оценил обстановку.

— Никакой паники! — он повысил голос, перекрывая стоны, и в его тоне была сила, заставляющая подчиняться. — Слушайте меня! Тяжелораненых, но живых — под навес слева! Легкораненых — в очередь справа! Тех, кто... кто уже не жилец, в угол, накройте тканью! — Он указал на тень у ворот и приказал людям быстро соорудить навес.

— Брат Цзян... вы знаете медицину? — Сюй Шу был поражен его распорядительностью.

— Немного! — Цзян И, не оборачиваясь, опустился на колени рядом с молодым солдатом, у которого копьем был пробит живот. Он быстро развязал пропитанные кровью повязки, осмотрел рану — его движения были точны и спокойны. Он вынул из-за пазухи аккуратно завернутый в промасленную ткань медицинский набор. Внутри лежали чистые бинты, порошок, странные изогнутые иглы с нитями, маленький острый скальпель и даже

отполированные бамбуковые трубки. Эти «диковинные» инструменты заставили Сюй Шу, Си Чжицаю и подошедшего Цзя Сюя вздрогнуть.

— Придержи его! — отрывисто бросил Цзян И Сюй Шу, не терпящим возражений тоном. Тот немедленно опустился на колени и изо всех сил вцепился в верхнюю часть тела солдата, который бился в конвульсиях от нестерпимой боли. Цзян И взял кинжал, быстро ополоснул лезвие и свои руки крепким алкоголем из небольшой фляги, который носил с собой для дезинфекции, а затем, не колеблясь, кончиком ножа принялся осторожно очищать края раны от грязи и омертвевших тканей. Солдат издал душераздирающий вопль, его тело содрогнулось в судорогах.

— Терпи! Хочешь жить — держись! — голос Цзян И был холоден, как сталь, но руки двигались с молниеносной быстротой. Закончив очистку, он взял «нить» — продетую в костяную иглу специальным образом выделанную кишку — и, словно искусная вышивальщица, принялся стежок за стежком стягивать края разорванной брюшной полости и поврежденной кишечной стенки. Каждый шов ложился точно по краю плоти, движения были пугающе плавными и отточенными.

— Кипятка! Нужно много кипятка, живо! — не поднимая головы, крикнул Цзян И остолбеневшим от увиденного горожанам. — Все полоски ткани для перевязки должны быть проварены в крутом кипятке, отжаты и только потом использованы! Быстрее!

Затем он повернулся к Си Чжицаю и Цзя Сюю:

— Прошу вас, помогите навести здесь порядок, распределите раненых по тяжести состояния! И найдите шины или просто ровные доски, здесь есть люди с переломами!

Си Чжицай и Цзя Сюй никогда прежде не позволяли никому собой помыкать. Но, глядя на спину Цзян И, который казался забывшим обо всем на свете и ведущим отчаянную борьбу со смертью, видя его пугающе твердые руки и то, как на глазах затягиваются страшные раны солдат, оба испытали невыразимое потрясение. Си Чжицай подавил кашель и тут же бросился распоряжаться кипятком и порядком. Цзя Сюй молча отошел в сторону, выискивая подходящие доски.

Цзян И превратился в подобие точного хирургического инструмента. Он обрабатывал одного тяжелого за другим:

— У этого сломана нога, открытый перелом голени! Нужны шины для фиксации! Доски! Бинты!

— Здесь нагноение раны на плече! Высокая температура! Нужно немедленно вскрыть и выпустить гной! Несите вино! Промыть нож! Приготовьте ткань для гноя!

— Потеря крови слишком велика, пульс почти не прощупывается! Нужно перели... — Цзян И осекся, проглотив слово переливание, и поправился: — Нужен отвар для восстановления сил!

Женьшеневый настой! Нет женьшеня? Сварите крепкий отвар из красных фиников, сахара и имбиря! Вливайте в него немедленно!

Время утекало в этой гонке со смертью. Солнце склонилось к закату, окрашивая крепостную стену в тревожный кроваво-красный цвет, освещая импровизированный лазарет, напоминающий сцены из ада. Одежда Цзян И пропиталась потом и кровью стольких людей, что прилипла к спине. Его руки от долгого напряжения неконтролируемо дрожали, тело ныло от усталости, а перед глазами плыли темные пятна. Но он, стиснув зубы, закончил с последним стариком, у которого была оторвана рука, и тщательно перевязал рану.

Когда он наконец выпрямил затекшую спину и последним усилием смыл в тазу, принесенном Сюй Шу, кровь со своих рук, которые даже под ногтями были багровыми, в импровизированном госпитале воцарилась тишина. Лишь стоны раненых да тихие всхлипывания близких раздавались в сгущающихся сумерках. Более двадцати тяжелораненых остались в живых благодаря его рукам. До его прихода большая часть из них была бы обречена на смерть из-за примитивной медицины того времени.

Си Чжицай, опираясь на столб, с бледным, как бумага, лицом, едва мог стоять от приступа кашля, но смотрел на Цзян И с небывалым уважением и глубоким волнением:

— Брат Цзян... кхе-кхе... вы спасли столько жизней, это великое благодеяние! Если бы не вы, из десяти этих людей семеро или восьмеро уже отошли бы в мир иной! Ваше искусство... это просто... словно Бянь Цюэ и Хуа То воскресли!

Сюй Шу, тоже изможденный, похлопал Цзян И по плечу, его голос был хриплым, но искренним:

— Брат Цзян! В делах гражданских вы мудры, в военном деле прозорливы, а в медицине возвращаете к жизни! Сюй Шу за всю жизнь не встречал человека, который был бы... который был бы... — он не мог найти слов, чтобы выразить свое восхищение.

Цзян И устало покачал головой, вытирая руки куском чистой ткани. Его взгляд скользнул по полю боя, залитому кровью, по фигурам, стонущим в сумерках. Ночной ветер доносил запах гари и крови. Он поднял голову к темнеющему небу, на котором начали загораться первые звезды, и его голос прозвучал тихо, словно вздох, полный неземной усталости и сострадания:

— Спасти можно на время, но не навсегда. Спасти можно сейчас, но не в будущем. Желтые повязки разбиты, мятеж подавлен, но повсюду лишь руины и раны... Великая смута... она только начинается.

Эти слова подействовали как ледяная вода, вылитая на огонь радости от победы и спасения жизней.

— Что вы имеете в виду, брат Цзян? — лицо Сюй Шу, еще секунду назад сиявшее, застыло в

недоумении.

Великая смута? Разве главные силы Желтых повязок не разбиты? Есть прославленные полководцы Хуанфу Сун и Чжу Цзюнь, есть двор... откуда взяться великой смуте?

Си Чжицай тоже перестал кашлять, его бледное лицо помрачнело. Он пристально смотрел на Цзян И, словно пытаясь отыскать ответы на его лице.

И лишь Цзя Сюй, который неведомо когда подошел ближе, по-прежнему молча стоял в тени. Сумерки скрыли большую часть его фигуры, лишь глаза в наступающей ночи мерцали глубоким и холодным светом, словно зверь, притаившийся в бездне и наблюдающий за Цзян И. Этот взгляд, казалось, пронзал уставшее тело Цзян И и вонзался в самую глубину его души, несущей бремя тяжелого будущего.

Он медленно заговорил, и его голос, низкий и хриплый, с оттенком пугающей пронизательности, прозвучал в ночной тишине:

— Брат Цзян, похоже... вы обладаете удивительным даром предвидения грядущих событий?

<http://bllate.org/book/18471/1771459>